

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ ЦИФРЫ И БУКВЫ

Он написал два бестселлера, знает пять языков, объездил более пятидесяти стран, вел репортажи под обстрелом ливанских “катюш” и выходил в прямой эфир с Северного полюса. Сейчас журналист, писатель и ведущий радио “Маяк” Дмитрий Глуховский торгуется с продюсерами по поводу экранизации своего детища – “Метро 2033”, а параллельно рассуждает о “колбасной фабрике по соблазнению женщин”, романтике, культуре чтения, писательских комплексах, драках и француженках.

COSMO Митя, ты знаешь пять иностранных языков. Как же ты их выучил?

ДМИТРИЙ Меня отдали во французскую спецшколу, где-то с двенадцати учил английский. Потом поехал учиться в Израиль и там освоил иврит. Через несколько лет перебрался в Германию, пришлось разбираться с немецким. Потом работал во Франции на телеканале EuroNews и заодно учил испанский. Многие из моих коллег по EuroNews были убеждены, что я шпион, потому что других объяснений тому, что русский говорит на шести языках, они не видели.

С В юности сам поехал за границу?

Д Хотелось, видишь ли, получить иностранное образование. В 17 лет я

уехал в Израиль, закончил там Иерусалимский университет. В Германии просто жил – учил немецкий, а во Франции работал. Все, разумеется, далеко не гладко. Главное и самое тяжелое из испытаний, с которыми приходится сталкиваться в эмиграции, – одиночество, голод общения. И даже когда твой русский акцент почти не слышен, французы, немцы, израильтяне все равно чувствуют в тебе иностранца. Для начала нужно доказать людям, с которыми собираешься дружить, что ты ничуть не хуже их, хоть и нездешний... И все равно даже друзья будут относиться к тебе не совсем на равных, а как к симпатичному экзотическому персонажу. Было у меня такое ощущение. В Германии я сидел на социальном

пособии около года. Со всей ответственностью заявляю: социально ориентированное государство – зло. Эти проклятые пособия так расхолаживают, что за год превращают целеустремленных людей в безвольный студень. Там выгодно сидеть, покуривать и ходить раз в месяц за пособием, а стоит начать трудиться – тебя тут же обкладывают безумными налогами, хочется все бросить. За тот год я написал первую половину “Метро 2033”, и только это спасло меня от депрессии.

С Ты когда-нибудь дрался – или считаешь, что, проявив агрессию, никому ничего не докажешь?

Д В нашей стране не всегда приходится выбирать, но я старался на рожон не лезть. Люди, которые провоцируют тебя на драку, хотят разрядки, и дать какому-нибудь бритоголовому набить тебе твою интеллигентную морду – значит, сделать ему подарок. Сейчас станет поспокойнее с работой – займусь боксом. Добро должно быть с автоматом.

С Побывав во Франции раз, люди часто стремятся вернуться туда снова и снова. А ты?

Д Франция – страна совершенно особенная, это правда. Конечно, французский шарм, такой замет- ▶

ный, когда приезжаешь в Париж туристом, постепенно перестаешь замечать, если живешь в этом городе постоянно... Что касается французов – это скорее стереотип, чем объективная реальность. Кто сказал, что француженки – самые раскованные в постели, самые ухоженные и самые стильные? Многие из принципа не бредут подмышки и даже не пользуются дезодорантами, при этом нравы – даже среди молодежи – царят довольно пуританские. Прежде чем дело доходит до секса, нужно выдержать не одно и не два, а часто даже и не десять свиданий. И так не только с французами, а вообще со всеми европейцами латинского происхождения – итальянцами, испанцами, португальцами. Туго у католиков с этим делом, туго. Зато чего у француженок не отнять – это их обаяния. Французский шарм – явление необъяснимое, по полочкам его не разложишь. Тут и манера говорить, и искусство смотреть по-особому, и умение надеть кеды “Пума” на колготки в крупную сетку так, что это кажется верхом стиля. Этим и берут.

С Так скажи, где же все-таки самые красивые девушки?

Д Ну, я вообще тяготею к южному типу – жгучие брюнетки мне ближе платиновых блондинок. Поэтому, наверное, в Италии. И израильтянки есть очень красивые – хрупкие, точные, с глазами огромными, как у ланей. Но соотечественникам искать счастья за рубежом я бы не советовал – по всем остальным критериям наши девушки вырываются на три корпуса вперед. И кстати, в постели никаких принципиальных различий ждать не стоит – разве что шепчут на ухо там по-французски.

С Если бы перед тобой стоял выбор – надеть женщину либо красотой, либо мозгами, – что бы ты оставил?

Д Это зависит от того, что ты от женщины хочешь. Если только секс, то ее разум не принципиален, достаточно обаяния и возможности поддержать короткий разговор – от обеда и до постели. А если ты хочешь с

девушкой встречаться, то, конечно, невозможно жить с красивой, но глупой девушкой.

С Как ты думаешь – останешься холостым?

Д Нет, я не буду холостым. Помнится, лет в 20 я очень боялся жениться. Ужасно. Боялся, что женщина станет обузой. Но чем крепче ты стоишь на ногах, тем спокойнее. То есть я сейчас более-менее состоявшийся, нахожусь на таких рельсах, с которых меня семьей и орущим детьми не сбить. А еще – хорошо, что до сих пор можно найти девушек, которые очень романтично настроены.

С Много их?

Д Я сейчас встретил девушку, которая романтично настроена. И меня, циника, настраивает на такой же лад. И все получается.

С Ты можешь простить измену?

Д Я предпочитаю об измене не знать. Простить такое можно, а вот забыть не получится. Если ты об этом не знаешь, то не надо копаться, устраивать слежку, втирать в раны соль и перец, выясняя отношения.

С Сам изменяешь? Осознанно?

Д Сейчас нет, но раньше изменял

В ГЕРМАНИИ Я СИДЕЛ НА СОЦИАЛЬНОМ ПОСОБИИ ОКОЛО ГОДА... ЭТИ ПРОКЛЯТЫЕ ПОСОБИЯ ТАК РАСХОЛАЖИВАЮТ!

часто. Перевоспитываюсь.

С У тебя есть приемы оболщения?

Д Я ненавижу людей, соблазняющих по заготовленной схеме. Терпеть не могу, когда читают девушкам стихи, особенно чужие. Это превращается в бездушный конвейер, в колбасную фабрику по соблазнению девушек. И это глупо, потому что флирт – это искусство, игра, турнир.

С Искусство? А, например, книги сейчас – это прежде всего бизнес.

Что такое продюсерская литература?

Д Я не очень уверен, что когда-либо книги издавали только из просветительских побуждений, из искреннего желания приобщить людей к прекрасному. Раньше это делали, чтобы некий государственный message донести до масс, а теперь – чтобы денег заработать. Все крупные издательства – это корпорации, они относятся к авторам как к продуктам, которые можно сбывать, можно просто упаковывать. Никто кроме авторов не заинтересован, чтобы продавались сильные художественные произведения, продаются бренды. У нас в десятке только продукты пиара. И даже те книги, которые сейчас признаются критиками серьезной литературой, например “Сердце Пармы”, – это якобы не коммерческая литература... На самом деле и тут без пиара не обошлось, просто им занимались менее заметно для широких масс. Не может в наше время очень талантливый, но неизвестный автор “выстрелить” без поддержки. Кто-то должен за ним стоять, знакомить с критиками, поддерживать.

С Что “ест” покупатель?

Д Всегда есть спрос на интеллектуальные темы. Если в обществе есть актуальная тема, которая активно об-

суждается, писатель, оседлавший эту волну, имеет все шансы на то, чтобы ворваться в рейтинги. К примеру, появилось поколение менеджеров, у них нет своего героя, тут Сергей Минаев пишет книжку “Духлесс”. О чем книжка? В общем, ни о чем книжка. Но при этом корпоративное движение обретает своего героя, такого Печорина в постмодерн-обработке, корпоративного партизана с лозунгом “Разрушим врага-корпорацию изнутри”. Это подается с соответствующей рекламой, и все корпора- ►

тивные термиты раскупают его книги.

С Ты говоришь, что нужно вовремя оседлать волну. Но сколько времени проходит от задумки до реализации идеи? Не истечет ли срок годности волны?

Д Тут я не могу за себя говорить, потому что я все-таки не ориентируюсь на политическую и социальную конъюнктуру. То есть я не буду писать социально-производственный роман о доярках, голосующих за Единую Россию. Я стараюсь все-таки делать то, что задержится в сознании людей. И будет с интересом читаться даже через двадцать лет. Поэтому на полностью злободневные темы стараюсь не ориентироваться. В принципе, книгу можно настроичить за полгода, если совершенно не задумываться над языком, не работать над метафорами, слогом и стилем, а просто писать все, что в голову придет... Мне кажется, что продажа души дьяволу начинается с малого. И необязательно дьяволу – может, продюсеру, который просит тебя: “Давай, мы вот тут немножко подхалтурим, побыстрее сделаем, два заказа успеем выполнить”. И это уже не творчество, а ремесло ради денег. А лет через пять оглядываешься назад и понимаешь, что от тебя ничего не осталось – у тебя есть вилла, кабриолет, гламурная блондинка с силиконовыми сиськами, но вдохновения, ощущения, что делаешь нечто нужное, нет. Все продано. И главное – за что? Это и есть продажа души дьяволу...

С Ты живешь среди повседневной суеты, как и все обычные люди. Откуда берутся идеи?

Д Пока я могу говорить о двух своих идеях, вернее, темах, одна из которых – московское метро после ядерной войны. Мне кажется, что она лежала на поверхности, в данном случае – под землей. Не знаю, как никто раньше на нее не наткнулся. Все началось, когда я узнал, что московский метрополитен – это вовсе не подземный трамвай, а самое боль-

Я НЕ БУДУ ПИСАТЬ СОЦИАЛЬНО-ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ РОМАН О ДОЯРКАХ, ГОЛОСУЮЩИХ ЗА “ЕДИНУЮ РОССИЮ”.

шое в мире противоядерное бомбоубежище, которое заодно уж используют и как транспортный объект. Само метро – это где-то треть тех подземных сооружений, которые найдутся за его стенами (склады, бункеры). Все это строилось на случай ядерной войны. Я просто положил это на современную геополитическую ситуацию и попытался представить, чтобы было бы, если б сценарий, на который рассчитано метро, реализовался в наше время.

С Когда ты писал свой второй роман – “Сумерки”, ощущал “комплекс второй книги”?

Д На каждого автора, который удачно стартует с первой книгой, критики, читатели и собраты по перу смотрят очень внимательно, когда он выпускает вторую. Потому что часто успех первой книги связан не с тем, что сам по себе автор хорош, а с тем, что тема выбрана удачно или раскрутили как следует. Бывает так, что в ►

первой книге человек уже сказал все то, что он хотел сказать. Была у него, например, какая-то история из жизни, действительно необычная, действительно наболевшая. И она его жжет изнутри, и это уже готовая книга сама по себе. Может быть, там язык не настолько хороший... Например, история африканского мальчика-солдата, который расстреливал своих одноклассников и рубил головы лопатой старухам, стал полевым командиром и торговал наркотиками, а под конец перевоспитался, обратился в веру и написал про все это книгу. И действительно, есть такая книга. Такое вот, может быть, стоит прочитать – просто для того, чтобы представить, чем живет Африка сегодня. Но вторая его книга – например, про его братьев во Христе и их миссию – будет неинтересной, потому что все, что у него было наболевшего, он уже сказал в первой, исповедался. Поэтому любого писателя преследует определенный страх: писатель я, собственно, или просто повезло, как мою вторую книгу воспримут критики, читатели?

С Говорят, ты собираешься писать “Метро 2034”. Решил дважды прокатиться на одном и том же бренде? Не боишься, что санки сломаются?

Д “Метро 2033” – книжка достаточно детская, я и придумал ее еще в школе, начал писать на первом курсе и закончил в 25 лет. С тех пор работал над “Сумерками”, где уже куда лучше продуман и более аккуратно выстроен сюжет, язык, как мне кажется, совсем на другом уровне. “Метро 2034” будет более серьезной книгой. И это не прямое продолжение первой части, просто другой роман из того же мира.

С Как думаешь, классическая литература вымирает?

Д Полное вымирание классической литературе не грозит, потому что она насильственно включена в базовую школьную программу. И потом, никогда не вымрут бабульки, которые терроризируют книжные магазины: “А где у вас Гоголь стоит?” Люди,

схожие с ними по ментальности, руководят большинством книжных магазинов, они следят, чтобы классика аккуратно стояла на полочках.

С Ты много путешествуешь благодаря своей работе телекорреспондента?

Д Да, за два года работы у меня было более пятидесяти командировок – от Эстонии до Гватемалы, от Исландии до Алжира. Каннский кинофестиваль, ливано-израильская война, космодром Байконур, зона отчуждения Чернобыльской АЭС.

С Случалось что-нибудь забавное, интересное?

Д Был такой случай... Помню, когда летали личным бортом (самолетом) Сергея Иванова в Баку – сопровождали его на переговорах, он забыл в VIP-лонже аэропорта любимую зажигалку. И вот уже почти взлетели, как он это обнаруживает. Все, завернули обратно. Капитан побежал в аэропорт за зажигалкой. Все были только рады, потому что благодаря этому в Москву мы вернулись за полночь и все журналисты, члены экипажа и бойцы ФСО получили еще по пятьдесят долларов командировочных – суточных.

С И что, это все приключения?

Я ЗАКАНЧИВАЮ РЕПОРТАЖ В ШАГЕ ОТ ЭТОЙ РАКЕТЫ, НАГИБАЮСЬ -ВЗЯТЬ КУСОЧЕК НА ПАМЯТЬ... А ОНА ЕЩЕ НЕ ВЗОРВАЛАСЬ!

Д Разные были случаи. Однажды в израильском городе Кирьят-Шмона снимали репортаж под обстрелом ливанских “катюш”. И вот упала ракета, воткнулась в асфальт, торчит оперение. Я выскакиваю из джипа, прилив адреналина, протискиваюсь с оператором сквозь оцепление, начинаем записывать репортаж. Тут снова воеет сирена воздушной тревоги – надо прятаться, потому что второй залп ракет обычно попадает туда же, куда и первый. Нет, мы все же допи-

сываем, потому что надо что-то отправлять в Москву. Я заканчиваю репортаж в шаге от этой ракеты, потом нагибаюсь – взять кусочек на память. И тут полицейский мне говорит: “Молодой человек, не делайте этого. И отойдите отсюда, ракета еще не взорвалась”. Экспедиция на Северный полюс меня не меньше впечатлила: вокруг льды – докуда только достает взгляд... Кстати, на Северном же полюсе был установлен рекорд – первое в мире погружение на дно Северного Ледовитого океана. А я там поставил свой личный рекорд – провел первый прямой телевизионный эфир с Северного полюса. Сейчас собираем документы для “Книги рекордов Гиннеса”.

С Скажи, статус известного писателя помогает в общении с девушками?

Д Пока не написал книгу, на соблазнение девушки уходит много времени. Сначала знакомишься, потом ей что-то рассказываешь, очаровываешь... А когда она прочла твою книгу, у нее складывается впечатление, что она тебя уже знает – все твои размышления о природе человеческих отношениях, о жизни и смерти, целях, мироощущении. Если книга понравилась, она уже создала романтический образ и на него реагирует,

при знакомстве говорит: “Ой, Дмитрий!” – и смотрит на тебя затуманенным взором. Слава, конечно, очень в этом деле помогает. Более того, у меня есть подозрение, что все, что мужчины делают, они делают, чтобы добиться успеха у женщин или закрепить его. Потому что ни слава, ни деньги сами по себе, без женщин не имеют никакого значения.

Разговаривала Галина Кисанд

Благодарим Red Bar за помощь в проведении съемки.